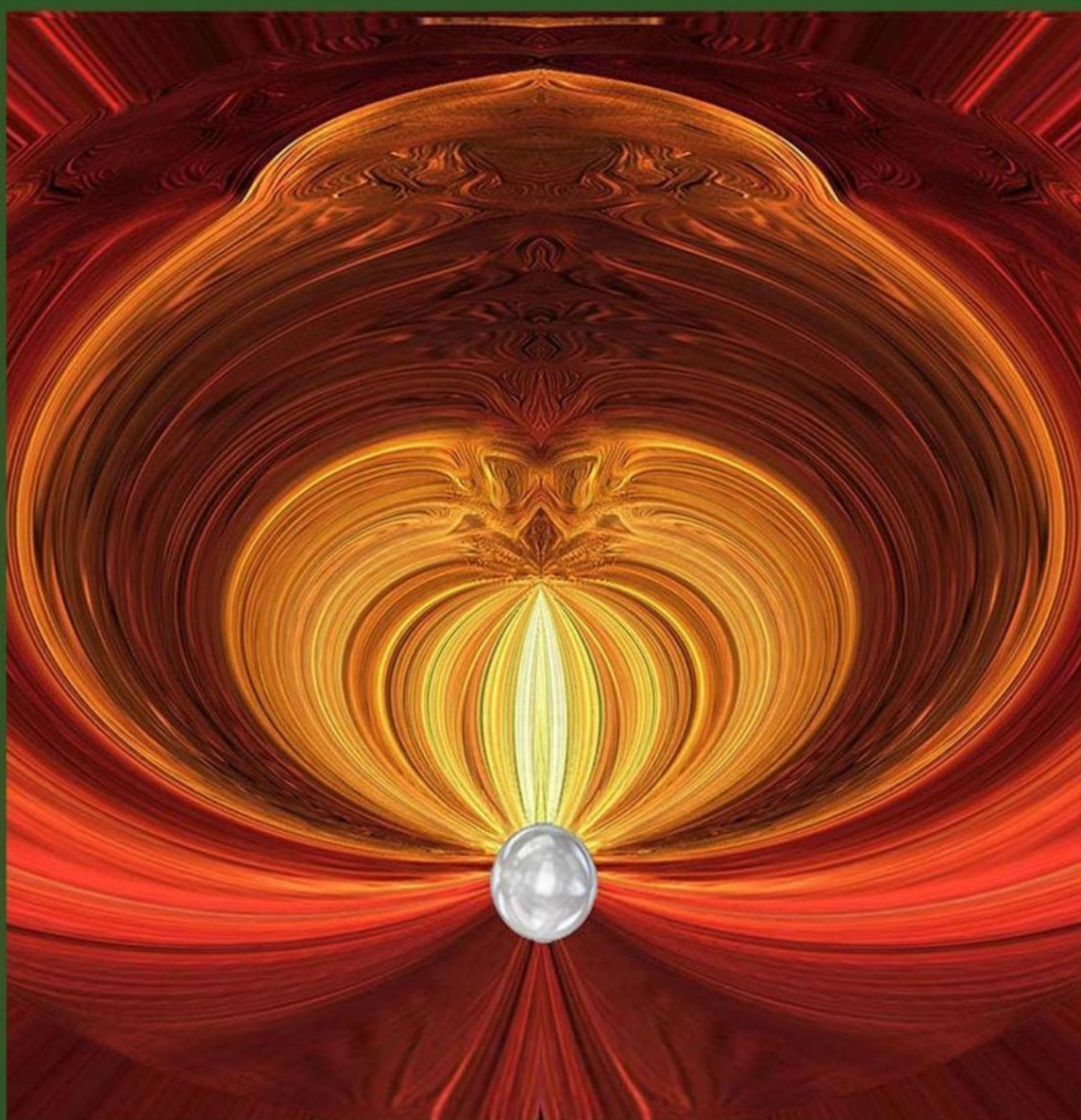

ДМИТРИЙ
КРАСАВИН

Микеланджело
из Мологи

Дмитрий Красавин

Микеланджело из Мологи

«Издательские решения»

Красавин Д.

Микеланджело из Мологи / Д. Красавин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-834241-7

Художники из Мологи решили показать Сталину красоту мологской земли, чтобы спасти город от затопления. Это книга о Красоте, как одной из высших ценностей. География событий охватывает разные города, страны. В приложениях приведены копии писем мологжан, исторические документы. Картины прошлого переплетены с современностью. Красота спасет мир! А жаждет ли мир спасения? Спасет ли Красота сегодняшнюю Россию?

ISBN 978-5-44-834241-7

© Красавин Д.
© Издательские решения

Содержание

ГЛАВА ПЕРВАЯ	6
ГЛАВА ВТОРАЯ	15
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	18
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ	24
ГЛАВА ПЯТАЯ	29
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Микеланджело из Мологи

Дмитрий Красавин

*Памяти моей мамы, Красавиной (Филаткиной) Веры Васильевны,
посвящаю*

Иллюстратор Дмитрий Красавин

© Дмитрий Красавин, 2019

© Дмитрий Красавин, иллюстрации, 2019

ISBN 978-5-4483-4241-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Впервые о Мологе я услышал в далеком 1985 году. Помнится, у меня тогда родилась очередная *idea fixe* – подарить Светке (так звали мою девушку) ко Дню влюбленных кольцо с бриллиантами.

Идея родилась не случайно. Как-то раз я показал ей доставшееся мне в наследство от отца кольцо. Оно не имело строгой формы круга, поверхность была неровной, с ямочками, бугорками. В одном месте обод сплющивался, образуя овальную площадку, в центре которой возвышался крупный изумруд, поддерживаемый с боков пятью золотыми лепестками. Зеленый изумруд оттеняли рассыпанные по краям лепестков брильянтовые крупинки. С внутренней стороны кольца можно было разглядеть полустертую временем гравировку: «Дочери Варваре 11. 08. 1912». Кто такая была Варвара, я не знал. По словам отца, кольцо некогда принадлежало его матери.

Светка сказала, что в жизни не видела подобной красоты. Я не мог подарить ей кольца, так как обещал отцу сохранить его и передать по наследству, но ее лицо светилось таким восторгом... Вот тогда и возникла идея подарить ей другое кольцо, увиденное однажды на прилавке ювелирного магазина. Магазиновое кольцо не украшал изумруд, но его поверхность была более гладкой, блестящей, а бриллианты намного крупнее рассыпанных на моем кольце крупинок.

Я буквально грезил о том, как попрошу свою возлюбленную закрыть глаза, поднесу к губам ее тонкую, слегка влажную ладонь, поцелую пальцы и на один из них, пожалуй на безымянный, одену эту красоту. Она ахнет от изумления, потом... Нет, я не в силах был вынести напора чувств и однажды, когда зашел разговор о том, где и как встретим День влюбленных, намекнул ей, что приготовил в подарок самое настоящее маленькое чудо. Никакой материальной базы для столь многообещающих намеков у меня не было. Единственное, на что я рассчитывал, – ожидаемые со дня на день квартальная премия и следующая за ней тринадцатая зарплата. Их суммарного размера вкупе со всеми имевшимися у меня на тот момент сбережениями должно было хватить на приобретение кольца.

Однако накануне заседания комиссии по премированию я умудрился рассориться с комсоргом завода из-за каких-то идиотских общественных нагрузок, впал у начальства в немилость и меня, дабы впредь не ерепенился, прокатили и с премией, и с тринадцатой.

До 14 февраля оставалось два дня. В отчаянной попытке спасти мечту, не оказаться болтуном в глазах любимой, я уложил в чемодан почти весь свой наличный гардероб и пошел в комиссионку.

В комиссионке после непродолжительного перетряхивания моих сорочек, брюк и галстуков приемщица вынесла вердикт, что ничего из принесенного им не подходит: «У нас импортные вещи порою месяцами лежат, а советские никто и смотреть не будет».

Иллюзии рухнули. Впереди тупик.

Я вышел с набитым барахлом чемоданом из комнаты приемщицы в торговый зал и медленно побрел к выходу. Наверное, на моем лице довольно явственно отражалась вся гамма обуревавших меня чувств.

Покупательница-старушка, оторвав взгляд от раскиданных для нее по прилавку пуховых платков, что-то прошамкала на ухо своей более молодежьей подруге и несколько раз ткнула в мою сторону указательным пальцем. Какой-то малыш, с широко открытыми глазами, прекратив ковырять в носу, но так и не опустив вниз руки, стремглав бросился к матери, ткнулся лицом в подол ее платья и заревел.

Я уже взялся за массивную бронзовую ручку входной двери, как вдруг стоявший до этого неподвижно за прилавком магазина старичок-продавец окликнул меня, молниеносно преодо-

лел разделявшие нас несколько метров пустого пространства и, опустив жилистую ладонь на мое плечо, развернул лицом к себе. На секунду замешкавшись, мы удивленно смотрели друг на друга. Потом он сделал шаг в сторону, нагнулся, поднял с постамента у витрины гипсовую фигуру какой-то полуобнаженной женщины с мечом в руках и ткнул этим «произведением искусства» в мою грудь:

– Держи. Ты парень сильный. Я переставлю постамент, а то наша воительница здесь совсем не смотрится.

Не дожидаясь моего согласия, он надавил коленом на чемодан так, что я вынужден был поставить его на пол. Гипсовая уродина тут же очутилась у меня в руках, а старик-комиссионер начал передвигать по всему торговому залу из угла в угол ее громоздкий постамент.

– Здесь, пожалуй, она будет смотреться лучше, не так ли? – спрашивал он моего совета, с трудом водружая постамент на прилавке, слева от кассового аппарата.

– Нет, нет. Подожди! – тут же останавливал он меня на подступах к постаменту. – Прилавков слишком хрупок для такой махины.

– Может, здесь поставить? – обращался он через пару минут за очередным советом, передвигая постамент ближе к продолговатой нише с женскими кофточками.

Помимо своей воли я оказался вовлеченным в процесс его творческих поисков и должен был что-то отвечать, что-то делать. Процесс затягивался, статуя изрядно оттягивала мне руки, но я почему-то не догадывался просто поставить ее на пол, взять чемодан и выйти из магазина.

Подошло время обеденного перерыва. В торговом зале появилась уже знакомая мне приемщица, удивленно посмотрела на меня, торчащего около прилавка с гипсовой воительницей в руках, на то, как старик-продавец волочет к стойкам с шубами украшенный непристойными барельефами постамент. Но ничего не сказала, вежливо выпроводила задержавшихся сверх положенного времени покупателей на улицу, заперла за ними входную дверь и вновь удалилась в свою «конуру».

Наконец место для постамента было найдено, я водрузил на него статую и собрался уходить.

– Нет, нет, – пресек мои намерения старичок и, переходя на вы, пояснил: – Я должен непременно вас отблагодарить за помощь и никуда не отпущу, покуда не продегустируете рюмочку-другую одного исключительного по своему аромату коньяка. Когда-то давным-давно им восхищалась королева Великобритании!

Спешить было некуда. Я оставил набитый вещами чемодан в торговом зале и машинально последовал за своим неожиданным благодетелем вглубь комиссионки. Слева от примерочной кабинки мы протиснулись в какую-то чрезвычайно низкую и узкую дверь, затем миновали загроможденную ломаными шкапами, треснутыми зеркалами и всевозможной рухлядью лестничную площадку, спустились на несколько ступенек вниз и, наконец, оказались в просторной комнате с опирающимися на шестигранные колонны сводчатым потолком.

Продавец щелкнул выключателем. В неярком свете четырех одноламповых светильников я увидел большой конторский стол, приставленное сбоку от него кресло-качалку, пару перевернутых вверх ножками стульев и обтянутую потертым гобеленом тахту, поверх которой валялись смятые простыни, подушка и одеяло.

– Извините за беспорядок, гостей не ожидал, – пояснил он.

Я молча пожал в ответ плечами.

– Вы пока ходите тут, посмотрите, – предложил он мне, – я малость приберу в комнате и кое-что из съестного достану. Не знаю, как вы, а я ужасно голоден.

Он прошел вперед, щелкнул еще одним выключателем, и я увидел справа от себя две ниши, по стенам которых было развешано множество картин. Обрамленные толстыми деревянными рамками, они подсвечивались снизу лампами накаливания и оттого приобретали какую-то странную объемность – как будто смотришь не на расписанные красками куски холста,

а в окна старого дома. Эффект был до того разительный, что, когда я приблизился к нишам, чтобы получше рассмотреть самое большое полотно с изображенными на нем излучиной реки и уходящими вдаль заливными лугами, мне на миг показалось, будто я слышу пение деревенских птиц и вдыхаю запах свежескошенного сена.

Взгляд скользнул к другой картине: над белизной широкой монастырской стены горели золотом купола церквей, чуть ниже, матово поблескивая в солнечных лучах, спускались к реке невысокие деревянные дома. Снова всюду зелень и снова синь воды, размывающая контуры отражений.

Я обратил внимание, что на обоих пейзажах кисть художника не копировала детали, а нарочито свободными мазками увлекала взгляд зрителя вглубь. Следуя за ее движением, зритель как бы становился соучастником процесса творчества и, окунаясь в бесчисленные оттенки красок, внутренним взором видел не только результат творения – картину, но и красоту реального пейзажа, вдохновившего неизвестного мастера.

Торопясь увидеть возможно больше, я посмотрел на боковую стену ниши. Там висели три маленьких полотна. К рамке одного из них была прикреплена небольшая медная табличка с надписью «Иловна». На самом полотне масляными красками был изображен дворец или громадный помещичий дом в три этажа с классически удлиненными окнами, балкончиками по правому краю и в центре, балюстрадой, замысловатыми ажурными решетками... Строение было вытянуто вдоль берега реки, касаясь поверхности воды двумя симметричными лесенками. Легкие арочные мостики по его бокам, переброшенные над впадающими в русло реки каналами, являлись как бы продолжениями стен. Слегка изгибаясь по краям здания, они словно ладони охватывали чашу водоема, приближая ее к лицу-фасаду. Само строение, зелень возвышающихся по берегам каналов великанов-деревьев, просвечивающие сквозь кроны золоченые кресты православного храма вкупе с голубизной воды представляли собой нечто единое, нераздельное, изначально разом сотворенное. Но эта целостность не заглушала, а напротив, оттеняла, подчеркивала красоту каждой из составляющих ее частей. Нечто подобное я видел в Пушкине, под Ленинградом. Но там стоящий на берегу пруда царский дворец был немного дальше отодвинут от водоема и, несмотря на его изящество, казался несколько чужеродным по отношению к окружающей природе.

Следующая картина, висевшая чуть выше и правее, по технике исполнения, стилю и оформлению резко выпадала из просмотренного мною ряда полотен. Она вообще не была обрамлена. Ее края сливались с фактурой и цветом стен. С первого взгляда границ картины просто невозможно было заметить. От этого изображение воспринималось как часть внутреннего объема – будто через отверстие в стене видишь смежную комнату, в которую только что зашла ее владелица, девочка лет шестнадцати, села на высокий ве-нецианский стул вполоборота к небольшому трюмо и вдруг увидела меня, зрителя. Ее щеки тронула легкая краска смущения, она старается его не показывать и оттого еще больше краснеет. В восхищении от изящества линий ее тела я ощутил некоторое смещение чувств, тоже покраснел и вдруг ясно понял, что где-то совсем недавно уже встречался с ней. Где и когда? В баре? На дискотеке? В читальном зале? Я усиленно напрягал память, но увы, увы...

Пользуясь хорошо известным в психологии приемом – забыть, чтобы вспомнить, – я переключил внимание на третью картину.

На ней рамка была выполнена в виде широких наружных наличников, что создавало впечатление, будто зритель смотрит на изображение с улицы, через открытое окно внутрь помещения. На какой-то момент мне даже стало неловко – будто я, отодвинув краем ладони полупрозрачный тюль, мастерски нарисованный с левого края картины, украдкой подглядываю за чужой жизнью. Потребовалось некоторое усилие воли, чтобы, справившись с волнением, более спокойно рассмотреть детали изображения. Моему взору открылась переполненная людьми большая гостиная комната.

В центре комнаты, прижав ладони к груди, стоял коренастый мужчина средних лет. Расправив плечи и слегка откинув назад голову, он вдохновенно пел.

Лицо мужчины так же, как и лицо девочки на предыдущей картине, показалось мне знакомым.

– Это Леонид Витальевич Собинов, – пояснил неслышно подошедший сзади старичок, – а аккомпанирует ему (видите, вон там, в левом углу сцены) Карсунский, муж Александры Витальевны, сестры Собинова. Леонид Витальевич в двадцатые годы часто приезжал к своей сестре в Мологу и всегда давал небольшие концерты для жителей города.

Я оторвал взгляд от картины и повернулся к старичку.

– Давайте познакомимся, – предложил он и протянул мне руку, – Павел Миронович Деволантов.

– Андрей Лийв, – ответил я, сжимая пальцами его широкую ладонь.

– Как? – переспросил он.

– Лийв Андрей, – повторил я и пояснил: – Я русский, но дед и бабушка по отцу эстонцы.

– Значит, если с одной стороны предки эстонцы, а с другой...

Нет, – не совсем вежливо оборвал я арифметические вычисления своего нового знакомого, – дважды два не всегда четыре – отец тоже русский. Просто его родители пропали в войну без вести, когда он был еще младенцем. Эстонская семья спасла моего отца от гибели, вырастила, воспитала, дала фамилию, но сам он русский.

– Понятно! – кивнул головой мой новый знакомый и, сделав широкий жест рукой, пригласил: – Прошу к столу!

Все еще находясь под впечатлением увиденных картин, я машинально сел на стоявший около стола невысокий деревянный стул с резной спинкой. Ни есть, ни пить не хотелось. Отдавая дань гостеприимству хозяина, молча пригубил коньяка, которым восхищалась королева Великобритании, и задал тот вопрос, без ответа на который теперь просто не мог уйти из этого помещения:

– Скажите, а как звать ту молодую...

– Настя, – ответил Деволантов, почему-то сразу поняв, о ком я спрашиваю.

– Я недавно где-то встречал ее...

Павел Миронович улыбнулся. Потом, после небольшой паузы покачал отрицательно головой:

– Это маловероятно. Я знал Настю еще до войны. Родом она из Мологи. Какое-то время жила в Москве. Сейчас, если ей удалось в войну выжить, она уже почтенная шестидесятилетняя дама и, конечно же, совсем не похожа на ту довоенную девочку, которая улыбается с картины. Ну а вам, как я полагаю, нет еще и тридцати?

– Двадцать четыре, – уточнил я.

Мы немного помолчали. Павел Миронович разлил по чашкам чай и предложил мне не стесняться – «налегать» на бутерброды. Я поблагодарил, сказал, что не хочу портить вкус коньяка. Уверенность в том, что я где-то недавно видел подобные Настиним глаза, губы, не покидала меня. Может, они мне просто снились? А может, разгадка в том странном слове «Молога», которое Деволантов упомянул уже дважды за время нашего разговора. Судя по контексту, это было название какой-то обширной местности или довольно известного города. Там располагался тот богатый дом, в гостиной которого пел Собинов, там жила когда-то эта загадочная девочка Настя. Должно быть, где-то рядом с Мологой находился и великолепный дворцово-парковый ансамбль «Иловна», не уступавший по красоте знаменитым московским или питерским ансамблям, и раскинувшийся вдоль берега широкой реки большой монастырь, и поразившие меня разноцветьем трав заливные луга. Спросить напрямую о том, где находится эта местность, я постеснялся и, допив из бокала последние капли французского коньяка, с видом знатока, как будто название было давно у меня на слуху, поинтересовался:

– А вы давно последний раз бывали в Мологе?

– В Мологе?! – Павел Миронович настолько удивился моему вопросу, что поперхнулся чаем.

– Ну да, в Мологе. А что особенного я спросил?

– Да нет, ничего, – Павел Миронович поставил чашку на стол, внимательно посмотрел мне в глаза и слегка иронично, с налетом грусти по поводу моего невежества, заметил: – Видите ли, любезный, дома, скверы, храмы, улицы и площади древнего русского города Мологи находятся на дне моря.

– Как это?

– А так. Мологу можно увидеть лишь на старых выцветших фотографиях и на этих вот, – Павел Миронович указал рукой в направлении ниш, – бесценных по своей исторической и культурной значимости картинах.

– Но это невозможно! – воскликнул я. – В России не было таких стихийных бедствий, чтобы целые города, как Атлантида, опускались под воду!

– К сожалению, деяния людей бывают страшнее природных катаклизмов.

Деволантов допил остывший чай, какое-то время помолчал и затем не торопясь, как будто продолжая чтение прерванного на середине страницы текста, начал рассказывать о том, как недалеко от Рыбинска, в местечке Переборы высокие волжские берега были стянуты тоннами бетона с замурованными в нем телами заключенных Волголага. Как воды Волги и Шексны, встретив на своем пути непреодолимую преграду, затопили обжитую на протяжении веков, политую кровью и потом наших предков, обустроенную русскую землю, почти вдвое превышающую по площади государство Люксембург¹.

Павел Миронович говорил не торопясь, часто делал паузы между предложениями, как бы предварительно читая каждую фразу внутри себя, корректируя, сообразуясь с моими эмоциями и лишь затем произнося вслух.

Безусловно, я еще со школьной скамьи знал о ленинском плане ГОЭЛРО, о Рыбинском водохранилище. Все эти знания были прочно увязаны с чувствами восхищения и даже преклонения перед созидательной мощью наших дедов, их мужеством, верностью идее. Никто и никогда не говорил о том, что сооружение Рыбинской ГЭС обернулось трагедией, перед лицом которой меркнет даже трагедия жителей легендарной Атлантиды. Ведь Атлантиду низвергли на дно океана боги, а Мологу и Мологский край затопили братья, сестры, сыновья, отцы, сограждане тех, кто там жил. От его слов веяло безысходностью: если от гнева богов можно найти защиту в молитвах, то одержимых идеями людей не останавливает ничто.

Излагая сухие факты мологской трагедии, он пытался говорить бесстрастно, что придавало рассказу какой-то зловещий оттенок. Не оставалось никаких сомнений, что это правда! Но если так все и было, то почему о Мологе, даже спустя полвека, молчат историки, писатели, художники, музыканты? Ведь если они молчат, значит, нет покаяния. Значит, красота беззащитна перед безобразием!

Закончив рассказ, он поднялся из-за стола, взял в руки зеркало и поставил его передо мной.

Я машинально посмотрел на свое отражение и вдруг понял, почему Деволантов так поспешно остановил меня у выхода из комиссионки, почему привел в эту комнату – из зеркала в какую-то долю секунды на меня посмотрело лицо той женщины, чей портрет висел в первой нише. Сходство было настолько разительным, что я вскочил со стула и бросился к портрету Насти.

¹ Площадь Рыбинского водохранилища 4,8 тыс. кв. км, площадь государства Люксембург 2,6 тыс. кв. км. Близкие по площади государства в других частях света: Занзибар – 3,0 тыс. кв. км; Гваделупа – 2,0 тыс. кв. км.

Павел Миронович остался стоять около стола и наблюдал, как я трогаю свои губы, нос, скулы...

Броде бы, взятые по отдельности, детали моего лица и лица юной мологжанки достаточно различны, но откуда тогда это мелькнувшее на миг в зеркале сходство?

К сожалению, обеденный перерыв заканчивается. Я должен возвращаться за прилавок. Могу ли я вам чем-нибудь помочь? – прервал он мое исследование.

Не знаю почему, но за короткое время нашего знакомства я проникся доверием к этому старому человеку. Но чем он может помочь? Дать в долг деньги? Я не смогу их вернуть в ближайшие полгода или год. Советом? У людей его поколения взгляды на жизнь слишком разнятся с нашими. Мне не нужно было даже сочувствия: я уже смирился с происшедшим. Однако сказать Деволантову «нет» в ответ на его искреннее желание участвовать в устройстве моей судьбы я не мог и поэтому коротко, в несколько слов, поведал ту печальную историю, которая привела меня в комиссионный магазин.

Он выслушал и, немного подумав, прошел в дальний правый угол комнаты, где возвышался темный, громадных размеров шкаф. Открыв дверцы шкафа, Павел Миронович некоторое время перебирал лежавшие там вещи, затем вернулся ко мне, держа в руках небольшую по размерам картину в обычной деревянной рамке.

– Возьми, – протянул он ее мне, снова переходя на «ты» и пояснил: – В свое время меня, так же как и тебя сейчас, поразила мологская трагедия. Используя имевшиеся в моем распоряжении фотографии, лупу и набор линеек, я нарисовал ряд городских пейзажей. Мне удалось довольно точно скопировать абрисы домов, деревьев, кружившие над городом облака. Но, как я ни бился, мои картины так и остались лишь копиями – единой симфонии красок, линий изображаемых предметов и движений кисти у меня не получилось. Продавать эти картины я не буду, так как они очень дороги для меня и представляют определенную историческую ценность. Ни один музей их в качестве экспонатов не примет: мологская тема находится под запретом на всей территории Советского Союза. Рано или поздно меня не станет, и тогда эти картины могут попасть в руки невежд, затеряться.

Я люблю Мологу, поэтому не хочу, чтобы это произошло. Та девушка, которой ты обещал подарить маленькое чудо, обязательно внутренне схожа с тобой, иначе б между вами не могла зажечься божественная искра, называемая любовью. Ты расскажешь ей о Мологе, передашь ощущение хрупкости, незащитности ушедшей на дно моря красоты. Она увидит ее отблески в твоём сердце, и тогда эта картина станет для нее тем самым маленьким чудом, которое ты обещал ей подарить.

Пока Павел Миронович объяснял мне причины, побудившие его сделать столь необычный дар, я рассматривал оказавшуюся у меня в руках картину и, право, не будучи дилетантом в живописи, имея представления о самых различных школах и течениях в развитии современного искусства, особых художественных несовершенств в ней не находил.

Определенно, она отличалась по манере написания от тех картин, которые были развешаны в нишах, уступала им по внутренней экспрессии выражаемых чувств, но в ней была своя прелесть, прелесть документа – что-то от фотографий, на основе которых она и создавалась. Для человека, знающего историю Мологи, это обстоятельство окупало некоторую напряженность в письме и даже оправдывало ее как свидетельство равнодушия автора к теме. Любуясь запечатленной на полотне панорамой исчезнувшего города, я испытывал чувство, близкое к благоговению. Я понимал, что ничем и никогда не смогу отблагодарить этого старого человека за его царский подарок. Сколько дней и ночей понадобилось ему, простому продавцу, не художнику, чтобы с точностью до миллиметра воспроизвести красками на холсте панораму целого города! На мои глаза навернулись слезы...

Павел Миронович уже поднимался вверх по лестнице. Я догнал его перед входом в торговый зал, остановил, зачем-то дважды дернул за рукав пиджака, но ничего кроме спасибо сказать не смог. Он улыбнулся и пригласил заходить в гости в любое удобное для меня время.

* * *

Выйдя из дверей комиссионного магазина с чемоданом непринятых вещей в одной руке и упакованной в оберточную бумагу картиной в другой, я воспарил над головами удивленных прохожих, над обледенелыми плитками тротуара, над крышами домов... Грудь переполняла палитра самых противоречивых чувств: боль от осознания невосполнимости утрат, готовность к покаянию, благоговение перед отблесками прекрасного и всепоглощающая жажда любви... Я был чувствителен, сентиментален и наивен до... Нет, «до» не существовало – во мне все было беспредельным.

Заскочив на минутку в общежитие, я спрятал картину под кроватью и тут же поехал в Ласнамяэ, чтобы в небольшом скверике на Палласти встретить возвращающуюся с работы Свету – рассказать ей о Мологе, о Павле Мироновиче Деволантове и снова вскользь намекнуть о приготовленном ко дню ее рождения подарке.

Когда я добрался до сквера, на улице уже изрядно похолодало. Легкое демисезонное пальто, отсутствие головного убора и летние туфли на ногах вносили в процесс ожидания нечто мазохистское. Проплясав на тропинке под заснеженными кронами деревьев в одиночку около часа, я не выдержал и, мечтая скорее прижаться всем телом к ребрам отопительного радиатора, побежал в подъезд Светкиного дома, справедливо рассудив, что могу и там ее встретить.

Отворив дверь подъезда, я пропустил вперед какого-то пожилого гражданина и шмыгнул вслед за ним в спасительное тепло. Гражданин поковырялся расческой в щели почтового ящика, извлек из его нутра корреспонденцию, потом, шелестя газетами и шаркая по ступеням ногами, медленно поднялся по лестнице не то на четвертый, не то на пятый этаж.

Звякнули ключи, хлопнула дверь, в подъезде установилась тишина. Положив перчатки и кашне поверх батареи, я наконец прижался к ней всем телом и расслабился в блаженной истоме, одновременно чутко вслушиваясь в звуки улицы, чтобы успеть привести себя в порядок до того, как Света разглядит меня в полумраке подъезда. Неожиданно я услышал какое-то сопение, доносящееся с одной из верхних лестничных площадок. Затем до боли знакомый голос произнес:

– Тише, тише, глупенький. Мать выйдет – домой загонит.

Что могла там делать Света? С кем она? Не смея верить очевидному, я, не таясь и не перепрыгивая через ступеньки, как сомнамбула, ровным, обычным шагом преодолел разделяющие нас пролеты лестничных клеток и остановился напротив пары samozабвенно целующихся влюбленных. Светка стояла, повернувшись ко мне лицом вполоборота. Глаза ее были закрыты. Ее тонкая маленькая фигура от плеч и до пояса была заслонена от меня полой распахнутой на парне куртки, но я каким-то непонятным образом видел, как левая рука этого хлопика, расстегивая стягивающие Светкину кофту пуговицы, пробирается к упругой девичьей груди. Сколько времени продолжалась эта немая сцена – миг или вечность? Не помню. Занятые собой, они меня не замечали. А может, не хотели замечать? Точно так же, как поднимался наверх, я спустился вниз. Вышел из подъезда. Перчатки и кашне, наверное, остались лежать на отопительной батарее. Я бродил по каким-то улицам, с кем-то разговаривал. Где, с кем? Не помню...

Очнулся я в уже знакомом подсобном помещении комиссионного магазина. Павел Миронович совал мне под нос склянку нашатырного спирта и одной рукой с силой тряс за плечо. Впоследствии он рассказывал, что услышал, как кто-то стучится снаружи в запертую дверь магазина. Каким образом звук, преодолев толщу нескольких дверей, пространства тамбуров, торгового зала, загроможденной старыми вещами лестничной клетки, мог достичь ушей сидевшего в подвальном помещении пожилого человека, представить трудно. Павел Миронович утверждает, что вначале счел мой стук слуховой галлюцинацией и даже принял для успокоения

нервов несколько капель валерьянки. Но что-то в глубинах сердца мешало ему соглашаться с доводами разума, не давало наслаждаться уютом, беспрестанно подталкивало выйти наружу. В конце концов, с единственной целью – успокоить самого себя – он, накинув на плечи пальто, выглянул на улицу. Дул сильный ветер. В плотной снежной круговерти тускло поблескивали лучи фонарей. Улица была пустыня. Он собирался уже захлопнуть дверь, чтобы, вернуться в тепло покинутого уюта, но зачем-то взглянул с высоких ступенек крыльца вниз, вдоль стены, и тотчас же увидел меня, полузамерзшего, занесенного снегом, сидящего на тротуаре сбоку от входа в комиссионный магазин.

Потом я долго болел. Месяц провалялся в больнице с воспалением легких. Света от ребят из общежития узнала номер палаты и приходила с цветами навещать. Она не знала о том, что я видел ее в подъезде, не понимала, почему более не желаю с ней встречаться. Плакала... Умоляла... Требовала объяснений...

А что объяснять? Еще недавно я верил, что наши души прозрачны друг для друга, что их слияние предшествовало слиянию тел. А как же иначе? Разве в любви возможно по-другому? Я ошибался. За сияние божественного света принял вспышки охватившей наши юные тела страсти. Но страсть никогда не освещала и не может освещать глубин души! Та женщина, боль и радость которой я считал своими личными болью и радостью, которая беспрепятственно могла хозяйничать в моем сердце и в моих думах, нуждалась во мне лишь как в источнике бессознательных страстей. Все остальное было ей глубоко безразлично. Слезы на ее ресницах – это плач по ушедшей страсти, но никак не плач по утерянному единству. Единства просто не было, она прятала и продолжала прятать от меня свои глубинные эмоции, мысли, чувства, воспоминания...

Я не хотел лжи и поэтому попросил врача, чтобы Свету не пускали в палату. Она стала ревновать меня к медсестрам. Логика ее поступков была простой: если мужчина не хочет более встречаться с женщиной, значит, у него появилась другая. Надо найти, вычислить соперницу и заставить ее отказаться от того, что изначально ей, сопернице, не принадлежало.

Что ж, несмотря на примитивность, в ее логике была доля истины. Нет, другой женщины, которая с такой же силой притягивала бы меня физически, не существовало (мне приходилось еще долго напрягать свою волю, чтобы не позвонить Свете с предложением о встрече), но в глубине сердца уже крепла и набирала силы другая привязанность – любовь к русской Атлантиде, любовь к Мологе. Она отделяла Свету от меня более, чем ее неверность. Ибо то, что человек любит, становится частью его души.

Каждый день теперь я с нетерпением ждал, когда в палату придет Павел Миронович. Так же, как я, он никогда не был в Мологе. Так же, как я, заразился любовью к этому городу, благодаря магии картин мологских живописцев. Ему посчастливилось неоднократно встречаться и беседовать с одним из них. Он лично был когда-то знаком с той юной мологжанкой, лицо которой то грустное, то улыбающееся мелькает в зеркале всякий раз, как я подношу его к своему лицу. Он смог собрать обширный материал по истории города, его архитектуре, культурных и экономических связях. Помню его красочные рассказы о пребывании в Мологе императора Павла I, о знаменитой Мологской ярмарке, которая до XVI века считалась первой в России и лишь позднее, в связи с появлением на Волге многочисленных мелей, была перенесена в Рыбную слободу (Рыбинск), а затем в Макарьев и Нижний Новгород.

Излечиваясь от воспаления легких, от влечения к ветреной бездумной Голубенковой Свете, я всерьез, на всю жизнь заболел Мологой.

Последние дни прекрасного в своей гармоничной простоте древнего русского города...

Слезы мологжан...

Два художника и совсем еще юная девчонка, слишком всерьез принявшие на веру слова Достоевского о том, что красота спасет мир.

Красота спасет мир!

Да полноте, так ли это?

Если мир не умеет и не хочет замечать красоты, то как она может его спасти?

Да пусть спасет вначале хотя бы одну страну! Один город. Одного человека...

Красота спасет мир...

А жаждет ли мир спасения?

Закрыв глаза, я явственно слышу тихий, неторопливый голос Деволантова, и перед глазами встают картины далекого довоенного времени...

ГЛАВА ВТОРАЯ

С весны и все лето 1936 года меж деревнями и селами Мологского района, в самой Мологе над крышами домов, сквером, улицами и площадями пестрокрылыми птицами носились слухи, сплетни, домыслы о развернувшемся в Переборах под Рыбинском небывалом по размаху строительстве. За короткое время там были вырублены леса на площади в несколько десятков квадратных километров, поставлены бараки, громадные участки земли огорожены высокими заборами с наворотами колючей проволоки.

Побывавшие в Рыбинске мологжане говорили, что в скором времени Волга во всю ее ширину – от берега до берега, будет перекрыта гигантской плотиной. Рыба из реки без всяких сетей и неводов будет улавливаться специальными шлюзами, а очищенная от нее вода начнет день и ночь, без выходных и праздников крутить лопасти динамо-машины. Электричества получится столько, что можно будет все деревья в лесах от Череповца до Рыбинска лампочками увешать, не гасить их круглые сутки, и все равно избыток останется.

Насколько это хорошо, а насколько плохо – сказать трудно. Если в Переборах начнут рыбу шлюзами ловить, то не останутся ли без работы мологские рыбаки? А с таким количеством электричества вообще непонятно получается. Куда ж зверье денется, если под каждым кустом запалят по лампочке? Еще злые языки болтали, что как плотину воздвигнут, так погреба с подвалами в тех домах, которые в низинах стоят, будет по весне паводковыми водами подтапливать. А дочка бывшей барыни из Чурилова Варвара Лебединская, лет десять как выжившая из ума, тощая, голодная, бродившая босиком по окрестным селам и прозванная за свою стойкость к северным морозам Сосулей, как кому на дороге встречалась, так тотчас вздымала вверх руки, трясла лохмотьями и пророчила, что скоро обрушится на Мологу гнев Божий – спалит ее Илия-пророк огненными стрелами за то, что отдалась, как блудница, власти бесовской.

20 июня 1936 года в Рыбинск приехал «всесоюзный староста» Михаил Иванович Калинин. Наиболее подробно о пребывании Председателя ЦИК СССР в Рыбинске рассказывала газета «Северный рабочий». Из газеты любознательный читатель мог узнать, что товарища Калинина в поездке сопровождал секретарь Оргбюро ЦК ВКП (б) товарищ Воинов, что в 9 часов 30 минут утра на пароходе «Плес» они прибыли на площадку Рыбинского гидроузла. Товарищ Калинин внимательно наблюдал за работой землечерпалки и Кировского гусеничного экскаватора, послушал рассказ начальника первого района товарища Алексева о том, как волгостроевцы боролись с паводком, посетил площадку строительства электростанции на реке Шексне, а затем отправился на завод полиграфических машин, чтобы побеседовать с токарем механического цеха товарищем Григорьевым. Токарь Григорьев, оказывается, помнил Михаила Ивановича еще с тех пор, как тот работал председателем Лесновского подрайкома партии в Питере. В 11 часов вечера на вокзальной площади Рыбинска состоялся многотысячный митинг. Рыбинцы со всех сторон скандировали: «Да здравствует Всесоюзный староста товарищ Калинин!», а товарищ Калинин в краткой речи пожелал горожанам «полного успеха».

До Мологи, хоть и рядом она с Рыбинском, Михаил Иванович не добрался – видно и впрямь ее рыбинские стройки никаким боком не коснутся. А может, таких знакомых, как токарь Григорьев, у него в Мологе не было? Так или иначе, но ни про рыбу, ни про лампочки, ни про погреба с подвалами в статье не говорилось ни слова.

Районная газета «Колхозное междуручье» принципиально, как и положено солидному изданию, обходила стороной всякие домыслы и сплетни. Летом 1936 года она «потчевала» читателей информацией о ходе полевых работ, о пленумах и заседаниях Мологского райкома и райисполкома, о задачах партийной учебы. Центральное место во всех номерах уделялось борьбе с врагами народа, Сталинской Конституции, выборам в Верховный Совет СССР. В авгу-

сте, перед началом нового учебного года, газета остро, с партийной принципиальностью подняла вопрос об обеспечении школ канцелярскими принадлежностями... Ох уж эти доморощенные пророки-сплетники!

Приближалась осень. У бригады кровельщиков прибавилось работы по ремонту крыш. Бригадир, Василий Филаткин, привез из Рыбинска три тонны дорогой кровельной жести, гвоздей оцинкованных с широкими шляпками. Слушать брехунов – без заработка останешься!

Веселовы торопились закончить строительство нового дома.

Иван Желтов решил выправить необходимые бумаги и по весне на самом берегу Мологи для старшего сына тоже дом поставить: тесно ему в старом с тремя дочерьми, женой, с братьями да сестрами. В исполкоме обещали выделить под строительство участок недалеко от площади Карла Маркса.

Ко всему на свете человек привыкает. А слухи есть слухи. Сегодня бабы об одном болтают, завтра – о другом. Успокоились понемногу мологжане.

И вдруг 1 сентября 1936 года уже не Сосуля-пророчица, а местные власти:

– Не будет больше Мологи!

– Как? Что? Почему?

Как обухом по голове, задание партии и правительства – Мологскому исполкому обеспечить до конца года перевоз половины домов частного сектора под Рыбинск, в местечко Слип.

До замерзания Волги оставалось всего два месяца – значит, именно за этот короткий срок владельцы домов должны их разобрать, сколотить в плоты, сплавить при помощи «Волгостроя»² под Рыбинск и там из набухших водой бревен с началом первых заморозков начинать строить новый город.

Но это абсурдно! Это абсолютно нереально!

Наспех скомплектованные при горисполкоме оценочные комиссии за три дня умудрились осмотреть 680 домов, из них 220 признали к переносу непригодными, чем несколько упростили задачу. Ведь если дом нельзя перевозить, то для выполнения партийного задания достаточно выселить из него хозяев, выдать компенсацию в размере около 500 рублей (3—4 среднемесячных зарплаты рядового служащего) – и пусть убираются со своим скарбом, курами, коровами, ревущими детьми, женами на все четыре стороны!

У Тимофея Кирилловича Летягина семьи не было. И хотя его дом оказался в числе тех, которые признаны непригодными к переносу, убраться из Мологи он никуда не собирался.

Он был далек от политики. Ничего не имел против электрификации всей страны. Всегда голосовал за кандидатов блока коммунистов и беспартийных. Одобрял Сталинскую Конституцию. Но уезжать из Мологи не хотел.

Была у него одна маленькая слабинка – уж больно сильно Тимофей Кириллович любил свой город. Он исходил с мольбертом в руках все его улицы. Знал на ощупь каждый камень в стенах Афанасьевского монастыря. Он много путешествовал по окрестным местам. Неделями вместе со своим другом, Яковом Васильевичем Рубинштейном, гостил у монахов Югской пустыни³, изучая в монастырской библиотеке труды античных и христианских философов. В Часткове⁴ вел беседы о законах поэзии с Семеном Александровичем Мусиным-Пушкиным⁵, более известным читателям по псевдониму Семен Частков. Был с почетом принимаем

² Волгострой – созданная в системе НКВД организация, на которую возлагалось проведение работ по строительству Рыбинской ГЭС.

³ Югская пустынь – основанный в 1615 году мужской монастырь, находился в 17 верстах от Рыбинска (затоплен водами Рыбинского водохранилища).

⁴ Частково – пристань, располагавшаяся вверх по течению Мологи в 18 километрах от города. Здесь же находилось имение Семена Александровича Мусина-Пушкина (затоплены водами Рыбинского водохранилища).

⁵ Семен Александрович Мусин-Пушкин – поэт, публицист. Имел одну из лучших личных библиотек в России, тратя на приобретение книг почти все свое состояние. Служа в Мологском земстве, особое внимание уделял вопросам народного просвещения. Благодаря его заслугам Молога до революции занимала первое место в Ярославской губернии по постановке

в Иловне⁶, родовом имении Мусиных-Пушкиных. Первого февраля 1917 года, в столетие со дня смерти графа Алексея Ивановича Мусина-Пушкина⁷, открывшего для мировой культуры «Слово о полку Игореве», он единственный приехал в Иловну с цветами в руках и положил их на белый снег рядом с семейным склепом, в котором покоятся останки графа...

Он не знал более красивой природы, чем природа Молого-Шекснинского междуречья, более красивого города, чем Молога, более чистых, прекрасных, бесконечно влюбленных в свой край людей, чем мологжане.

Неужели все это надо принести в жертву молоху электрификации? Зелень заливных лугов на Стрелке⁸, женственные изгибы реки, плавно, неспешно огибающей пологие холмы на подступах к городу, великолепие православных храмов и монастырей, парк в Иловне, могилы предков, дома и улицы древнего русского города – все должно исчезнуть! Должны исчезнуть нежность, радость, грусть, любовь, восхищение, умиление – вся та палитра чувств, которые пробуждают в человеке родные места. Места, в которых прошли его детство, юность, которые до краев наполнены думами, чаяниями, слезами, потом и кровью его дедов и прадедов.

Должна исчезнуть красота! Красота – единственное, что оправдывает существование этого мира.

Разве можно согласиться с какими угодно доводами, если они ведут к ее уничтожению? Душа ослепнет, ей станет страшно, она умрет...

Почему там, наверху, те, которые смеют распорядиться нашими судьбами, не знают, как становятся пустыми не увидевшие, прошедшие мимо или лишённые красоты сердца?

А может? они сами давно мертвы, и никакой души за оболочками их тел не существует? Мертвецы, возомнившие себя властелинами мира... Бр-р-р...

Нет. Они просто не знают Мологского края! Надо помочь им увидеть его красоту. Чтобы они полюбили Мологу так, как любим ее мы, мологжане, как жених любит свою невесту... Но кто из них конкретно сможет отменить уже принятое решение?

Кто? Кто? Кто?

Тимофей Кириллович бесчисленное число раз задавал себе этот вопрос, перебирал имена известных ему партийных и государственных руководителей, но ответ всегда получался один – только Сталин. Только Сталин может спасти Мологу.

Проведя в раздумьях и в рассуждениях с самим собой бессонную ночь, Летягин с первыми лучами солнца вышел из дома и направился в Заручье⁹. Там, недалеко от Вознесенской церкви¹⁰, жил молодой художник-самоучка, Анатолий Сутырин, с которым его связывала многолетняя дружба.

школьного дела. Трагически погиб. Похоронен в Ярославле.

⁶ Иловна – село, расположенное в 30 километрах выше города, на левом берегу Мологи. Уникальный дворцово-парковый ансамбль (затоплено водами Рыбинского водохранилища).

⁷ Граф Алексей Иванович Мусин-Пушкин после выхода в 1799 году в отставку почти безвылазно жил в Иловне, занимаясь подготовкой к опубликованию хранившихся у него рукописей. Умер 1 февраля 1817 года.

⁸ Стрелка – район города Мологи, располагавшийся чуть ниже по течению от излучины реки Мологи, образующей на левом берегу широкий мыс с песчаными пляжами.

⁹ Заручье – район на окраине Мологи.

¹⁰ Вознесенская церковь построена в стиле классицизма в 1756 году. Основной храм венчали пять куполов. Колокольня четырехъярусная.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

В ночь с третьего на четвертое сентября 1936 года не спал не только Летягин – не спала вся Молога. Во многих домах до утра горел свет. Каждый из мологжан отнесся к новости о готовящемся затоплении города по-своему. Одни, обсудив ее в домашнем кругу, решили, что плетью обуха не перешибешь – им, маленьким людям, нечего и думать о том, чтобы спасти целый город. Да, конечно, жалко и обидно, но с московскими начальниками разве будешь спорить? Дай Бог, не остаться бы самим на зиму без крова над головой. Кто-то полагал, что все еще образуется. Пройдет день-два и выяснится, что в Москве чиновники что-то напутали. Молога стоит на высоком берегу, до Рыбинска сорок километров – мыслимое ли дело, чтобы так воду поднять!

Анатолий Сутырин своего дома не имел – снимал маленькую мансардную комнату в доме на Пролетарской, у Василия Канышева. На ошибки запутавшихся в бумагах чиновников он не уповал. Не был он и пессимистом, из тех, которые полагали, что кольверху решение принято, то город обречен. Бессонную ночь он посвятил тому, чтобы составить петицию товарищу Сталину, в которой обосновал экономическую нецелесообразность гибели Мологи и Мологского края – благо дело, под рукой была газета с основными показателями роста надоев молока, заготовок сена, производства электроэнергии и др.

Сидя у окна-фонарика за колченогим письменным столом в своей мансарде, превращенной с разрешения хозяина дома одновременно и в спальную и в мастерскую, Анатолий перечитывал уже набело переписанный текст петиции, когда на пороге появился большой, грузный, запыхавшийся после подъема по лестнице Тимофей Кириллович Летягин.

- Слышал? – еще не успев притворить дверь и отдышаться, спросил он у Сутырина.
- Что? – вскинул голову Анатолий.
- Что скоро твоя мансарда на дне моря будет.

Тимофей Кириллович, с трудом протиснув свое тело между высокой деревянной Евой и мольбертом, наконец добрался от порога комнаты до измазанного красками письменного стола и протянул Анатолию руку. Анатолий приподнялся с потертого, привезенного еще в восемнадцатом году из отцовского дома старинного барочного кресла, поздоровался и снова погрузился в его обволакивающую глубину. Некоторое время, поглаживая фалангой указательного пальца щетинистый подбородок, он, не мигая, смотрел на сваленные в углу комнаты рамки картин, как будто надеясь в их хаосе увидеть нечто оптимистичное, потом молча пододвинул Летягину петицию.

- Что это? – поинтересовался Летягин.
- Письмо Сталину. Подпишите вместе со мной?

Тимофей Кириллович быстро пробежал глазами текст письма и передвинул лист назад Анатолию.

- Не подпишу.
- Почему? Сегодня в зале «Манежа»¹¹ будет расширенный пленум горсовета. Приглашены представители почти всех семей. Если все мологжане подпишут петицию...
- Ерунда! – перебил Летягин наивные рассуждения молодого художника. – Экономисты давно на бумаге просчитали дебет с кредитом и доложили Сталину, что Мологу выгодно зато-

¹¹ Манеж – здание в центре города, построенное в конце XIX века для гимнастической школы. Вокруг здания был разбит сквер с липовыми и березовыми аллеями. До последних дней Мологи он оставался одним из любимейших мест отдыха горожан. По периметру сквера были проложены концентрические дорожки для пешеходных прогулок, бега, а также для обучения верховой езде и конным упражнениям. Последнее и предопределило название самого здания. В средней части Манежа, так называемом амфитеатре, находились кресла для зрителей. Пол амфитеатра мог подниматься и приобретать покатое положение, для лучшего обзора зрителями происходящих на сцене действий. Высота зала от пола до потолка составляла более 6 метров.

пить: дешевая электроэнергия все материальные потери окупит. Иначе б под Рыбинском уже год как согнанные со всей России заключенные дамбу не строили. Это первое. Второе – тебе никто не даст на сессии горсовета зачитать текст петиции, смысл которой – сорвать планы строительства Рыбинской ГЭС. Найдутся умники, назовут тебя врагом народа, и толку от тебя и твоей инициативы будет пшик! Хуже того, вместе с тобой врагами народа объявят всех мологжан, которые осмелятся поставить подписи под твоей бумагой!

– Так что? Молчать прикажете? Пусть Молога гибнет?

– Молчать не надо. Но и тыкать Сталину в лицо петициями тоже не следует, а вот сделать так, чтобы он сердцем понял боль Мологи, уникальность ее красоты – это и надежнее в нашем деле, и по силам. Затем к тебе и пришел.

С этими словами Тимофей Кириллович вытащил левой рукой из-под стола табурет, сел на него верхом, напротив Анатолия, и оценивающе, в упор, из-под густых черных бровей посмотрел в его глаза. Потом в образовавшейся на миг паузе тихо, но четко произнес:

– Ты один, без всяких петиций спасешь Мологу.

– Я? Один? – удивился Анатолий.

– Именно ты. Ты лучше, чем кто бы то ни было, сможешь показать Сталину красоту нашего края, рассказать вождю о мологжанах, их бедах, чаяниях и радостях, о наших предках, нашей истории, о том, как играют солнечные блики на куполах церковей Афанасьевского монастыря... Ты понимаешь, о чем я говорю?

– Не совсем...

– Мы все: я, ты, твоя тетка, Василий Филаткин, вожди в Кремле, товарищ Сталин – люди. А что нас, людей, отличает от арифмометров?

– Что?

– А то, что для нас цифры – не главное. Не главное и смазка шестеренок: жратва, теплые постели, электроэнергия, делающая труд легким. Потому что у нас есть нечто большее, чем шестеренки – у нас есть душа! Что толку, если человек живет в тепле, сытости, лени, а душа мертва? Этак свиньи и всякая скотина жизни радуются – им большего не надо, а человеку, даже с животом, разъевшимся блинами, без радости души – смерть. А в чем душа человека находит радость?

– В чем?

– В красоте. Для скотины красота ничто, а для души человека – все! Коровам твоей тетки, пасущимся сейчас на заливном лугу, глубоко безразличны и нежная голубизна поднимающегося от реки тумана, и пение соловья, и полные неизъяснимого очарования встречи с местами своей юности, и ощущение исторической связи с жившими здесь до тебя людьми, и...

– Постойте, – Анатолий, как бы загоразиваясь от набирающего мощь и скорость потока хлынувших на него примеров, выставил вперед ладонь. – Вы сами как-то говорили, что нами управляют безбожники – в городе три церкви закрыли! Шестой год пошел, как в монастыре колокола молчат! О какой душе может идти речь?

– Но ведь мы с тобой знаем, что Бог существует! Все люди, и безбожники в том числе, тем отличаются от скота, что в каждом теле трепещет и рвется к свету душа живая! Человек своей душой подобен Богу!

– Подобен Богу, – удивился Анатолий наивности сидящего перед ним пожилого человека. – Да люди сплошь и рядом обманывают друг друга, лжесвидетельствуют, прелюбодействуют, убивают. Свобода одного зиждется на рабстве сотен других... Разве может убийца быть подобием Бога!?

– Я говорю о глубинных свойствах человеческой души, – пояснил Летягин. – В глубине души и ты, и я, и все-все люди, и вся вселенная восходим к Богу, едины в своем начале. Да, мир полон зла. Но Бог творил только добро. Зло, как темнота, присутствует лишь там, где нет света, где человек отворачивается от Бога. О, это отдельная большая тема для разговора! Сейчас я

лишь хочу тебя убедить в том, что в основе мироздания находится добро, что человеку, созданному по образу и подобию Бога, были даны мощь и воля для творчества, что, будучи дитем абсолютной любви, человек по природе своей не знал зла и, следовательно, не мог использовать свободу для злых дел.

– Мудрено говорите.

– Тут не только ушами, а и сердцем надо слушать, тогда поймешь. Согласись, что и тебя, и других нормальных людей всегда притягивают, влекут своей красотой любые проявления любви, свободы, разума, силы. А ты задумывался, почему так происходит?

– Ну...

– Потому, что все они суть атрибуты божественного единства, того единства, которое лежит в основе всего мироздания, в основе каждой человеческой души. Нет высшей радости, чем сердцем, умом, чувствами ощутить единство с Богом, что Бог находится в тебе, и ты – в Нем!

– Постойте, – снова перебил Летягина Анатолий. – Давайте уточним некоторые детали, а то я уже начинаю путаться в философских дебрях ваших рассуждений. Значит, вы полагаете, что Бог сотворил мир из единства любви и свободы, исходя из своей воли, силой своей творческой мощи и разума?

– Именно так.

– Но в Библии сказано, что Он сотворил мир из Ничего!

– Правильно! А разве любовь и свобода имеют массу, объем, длительность? В любых материальных измерениях они и есть «Ничто».

– Но если они не существуют в материальных измерениях, если они – «Ничто», то почему же мы рассуждаем о любви и свободе как о двух самостоятельных понятиях? Выходит, что они разделены – здесь любовь, там свобода? Два «Ничто»!!! Их уже можно пересчитывать, как семечки!

Анатолий откинул ладонью прядь упавших на глаза рыжих волос и торжествуя посмотрел на Летягина.

Тимофей Кириллович спокойно выслушал насыщенные эмоциями возражения своего молодого оппонента, и устало вздохнув, пояснил:

– В божественном единстве никакого разделения не было, нет и быть не может. Любовь – это свобода. Свобода – это любовь. Творческая мощь, разум, воля – то же самое, что любовь и свобода. Вне времени, вне пространства нет ни части, ни целого. В глубине человеческой души разделения тоже не существует.

– Проще говоря, – попытался резюмировать Анатолий, – Вы полагаете, что человек в глубинах своей души, сливающихся с глубинами божественного единства, теряет свою индивидуальность? Все овцы серы?

– А сам ты, что чувствуешь в глубинах своего Я?

– Ну, уж никак не овечью серость! Как бы далеко я ни устремлялся в своих чувствах, мыслях, желаниях, в любых опытах самопознания я был, есть и буду самим собой, я индивидуален!

– Ну, а почему задаешь глупые вопросы? Я тоже индивидуален, и Бог индивидуален. Каждый человек – индивидуальность, ибо каждый человек – творец. Не надо переносить законы материального мира на мир божественного единства. Смотри вглубь себя, и ты сердцем поймешь, что единство не убивает, а является необходимым условием существования индивидуумов. Между частью и целым нет противоречий. Каждая часть соединена с целым любовью, то есть вмещает его, не теряя при этом свободы, индивидуальности. Любовь без свободы захиреет. Где рабство, господство сильного над слабым, там нет любви. И наоборот, где нет любви, там не может быть свободы, там всегда будут борьба, ненависть, унижение. Мы с тобой столько раз говорили об этом, а ты все никак не хочешь понять элементарного!

– Если бы вы умели излагать свои доводы более спокойно, я, может быть, и согласился... Я даже почти согласен с вами, но какое отношение наш разговор имеет к спасению Мологи?

– Да ты...

Тимофей Кириллович в сердцах уже готов был произнести «елки-палки», свое самое страшное ругательство, но запнулся, не закончив фразу, и, перейдя на более мирный тон, пояснил:

– Видишь ли, мой план спасения Мологи прост и не требует принесения жертв, но ты его сможешь осуществить только в том случае, если поймешь суть, поймешь, как он работает. Малейшая неясность может родить неуверенность, и тогда все пропало. Не торопись. Выслушай меня. Я уверен, что если не голова, то сердце твое согласится со мной, а оно уже после подскажет голове более благозвучные, чем мои, формулировки. Ведь одну и ту же мысль каждый человек излагает по-своему. Поэтому позволь мне закончить теоретическую часть так, как я нахожу ее более удобной для изложения. Возможно, практические выводы о путях спасения Мологи, к которым я шел целую ночь, родятся в твоей голове еще до того, как я начну о них говорить.

– Хорошо, – согласился Анатолий. – Я слушаю.

– Благодаря изначальному единству, – продолжил Тимофей Кириллович, – все внешнее, явленное в данный момент в этом мире, может восприниматься человеком с такой же степенью достоверности, с какой он воспринимает собственное существование.

– Вы хотите сказать, – еще раз поторопился форсировать мысль Летягина Анатолий, – что каждый человек в процессе творчества может проникнуть силой любви в нечто внешнее, и от этого внешнее станет для него таким же внутренним, таким же достоверным и значимым, как его собственное Я?

– Не горячись. Разумеется, без любви к объекту творчества творить невозможно. Но человек не соединяется силой любви с внешним, а обнаруживает внутри себя извечно существующее единство. Невозможно соединиться с тем, что уже находится в тебе изначально. Твои лучшие картины прекрасны потому, что их рисовал художник, умеющий постигать изображаемые им предметы не как нечто постороннее, чуждое, а как подсмотренное им в глубине самого себя.

– Вы мне льстите.

– Самую малость. Твоя заслуга в том, что ты умеешь передавать в красках красоту мира. Но красота – это и есть, по сути своей, отблеск божественного единства во внешнем мире, резонансом вспыхивающий в глубинах человеческого я. Мир прекрасен только для того, кто не научился находить внешнее в самом себе. Для того, кто утратил это изначально присущее всем людям качество, красоты не существует. Окружающий его мир враждебен и безобразен. В таком мире страшно, а иногда просто невозможно жить!

Произнеся последнюю фразу, Летягин стукнул себя ладонью в грудь, закашлялся и... замолчал. Некоторое время, поставив локти обеих рук на доски стола и подперев кулаками виски, он напряженно всматривался в радугу рассыпанных по столу пятен краски, потом, не разглядев в них ничего утешительного, вскинул брови вверх и с какой-то мольбой в голосе спросил:

– Ты веришь в гений Сталина?

– Верю, – не раздумывая, ответил Анатолий.

– Веришь ли ты, что Сталин, хоть и атеист, но не слабее, чем мы с тобой, способен всей мощью своего громадного сердца ощущать явленную Богом в природе, поступках, чувствах и мыслях людей красоту?

– Верю!

– Вера твоя да поможет тебе.

Тимофей Кириллович поднялся из-за стола, перекрестил Анатолия правой рукой и уже набрал в грудь воздух, чтобы на едином дыхании развернуть перед молодым художником взлеянную бессонной ночью идею, осуществление которой приведет к спасению Мологи, как вдруг дверь мансарды тихонько скрипнула, и на пороге появилась девочка лет тринадцати в легком ситцевом платье бледно-палевого цвета, украшенном двумя приколотыми к левому плечу ромашками. Склонив голову набок так, что рассыпавшиеся каштановые волосы, упав на грудь, закрыли половину лица, она молча остановилась в дверном проеме.

– Тебе чего? – спросил Тимофей Кириллович.

– А я все слышала, – сказала прелестная незнакомка и, откинув волосы с лица, посмотрела на Летягина широко открытыми зелеными глазами.

– Что все?

– Как вы про Сталина говорили. Я сначала постояла немного на лестнице, послушала, а потом вошла.

– Это Анастасия, дочь Надежды Воглиной, – пояснил Анатолий. – Она каждый день приходит смотреть, как я работаю. Сама уже неплохо рисует.

– Вы меня не прогоните? – спросила девочка.

Летягин вопросительно посмотрел на Анатолия. Тот пожал в ответ плечами, потом, переведя взгляд на девочку и увидев ее умоляющие о доверии глаза, заметил:

– Она добрая, умная... – сделал паузу, как бы спрашивая сам себя, так ли это, и, утвердившись, добавил: – Она умеет хранить чужие тайны.

Тимофей Кириллович помедлил в нерешительности, но так и не определившись, что делать в сложившейся ситуации, с трудом развернул свое грузное туловище в тесноте мансарды и направился к выходу. Анастасия шагнула в сторону, освобождая дорогу старому художнику.

– Пойдите! – крикнул Анатолий, тоже поднимаясь из-за стола. – Что же должно выйти из того, что я верю в гениальность товарища Сталина?

– Как что? – удивился Тимофей Кириллович, обернувшись назад. – Разве тебе непонятно, о чем мы тут битых три часа рассуждали?

– Не совсем...

– Я старался – мыслил, рассуждал, объяснял...

– Ну, я понял. Я и раньше знал, что человек – подобие Бога. Сталин, хоть и атеист, почти как Бог для нас...

– Сталин не Бог, но если в его теле живет душа, то, увидев красоту Афанасьевского монастыря, Иловны, зелень заливных лугов, глаза и лица мологжан, вот эту маленькую Анастасию – Летягин показал пальцем на прижавшуюся к стене мансарды девочку, – он в сердце ощутит свое внутреннее единство с прошлым, настоящим и будущим нашего края. Он сердцем поймет, насколько чудовищны планы затопления Мологи, насколько кощунственно ставить экономические расчеты превыше красоты, объединяющей людей разных поколений, наших дедов и прадедов, всех граждан Советского Союза, всех людей, все живые души и Бога!

– Но он же никогда! – Анатолий, задев краем рубашки за угол мольберта и распоров ее по шву, подошел к стоявшему в дверях Летягину. – Вы слышите? Никогда! Никогда не приедет в Мологу!!!

– Не приедет, – Согласился Летягин. – Значит надо сделать так, чтобы он увидел Мологу и мологжан в Москве.

– ???

– Готовь свои картины, – наконец, смирившись с присутствием Насти, решился он сказать о главном. – Я приготовлю лучшие из своих. Дам эскизы Коли Харитонов¹² – они еще

¹² Картины Николая Васильевича Харитонova и других мологских художников можно увидеть в галерее на странице <https://dkrasavin.ru/ghar.html>

с тринадцатого года у меня хранятся, у Цициных есть интересные работы, оставленные Василием – его семья непротив отдать их ради благого дела. Поедешь в Москву, организуешь там выставку.

– Но...

– Никаких «но». Денег тебе на дорогу и организацию выставки найду. Немного, но найду. Успех обеспечен – таких талантов как ты не только в России, а во всем мире не сыскать. Ну, а как сделать, чтобы картины увидел Сталин – решай сам на месте.

– А вы?

– С моими одышками – помехой буду. Адреса в Москве, письма к тем, кто еще помнит Летягина, – это все дам. В общем... – Тимофей Кириллович хотел еще что-то добавить к сказанному, но, подняв руку вверх, вдруг снова закашлялся, затем медленно повернулся спиной к Анатолию и, задев плечами за стены, стал спускаться вниз по лестнице.

– Я! Я поеду в Москву! – услышал он уже в сенях пронзительный голос Насти. – Сталин – лучший друг детей! Я расскажу ему про ваши картины. Он обязательно захочет их увидеть!

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Расширенный пленум горсовета¹³, состоявшийся 4 сентября, не успокоил, а лишь еще сильнее накалил кипевшие в городе страсти. Последние иллюзии мологжан относительно возможности пересмотра правительственного задания на 1936 год рассыпались в прах. Доводы разума о нереальности разборки, сплава и последующей постановки домов в преддверии надвигающейся зимы, всего за два месяца до замерзания Волги, не смогли пробить твердые лбы членов Мологского горсовета и представителей Волгостроя НКВД.

«Нам выпала честь быть на острие борьбы за укрепление индустриальной мощи Родины. Мы должны не обсуждать реальность или нереальность поставленного Правительством задания, а искать пути его наилучшего выполнения!» – такого рода аргументация в ответах властей на просьбы и вопросы мологжан была доминирующей.

Мологжанам вменялось в обязанность самим разбирать свои дома и самим же воздвигать их заново из непросохших после сплава по Волге бревен на новых участках под Рыбинском. Практически на пленуме стало ясно, что около 400 мологских семей, в которых есть и старики, и старушки, и маленькие дети, и беременные женщины, и инвалиды, останутся без крыши над головой или будут жить зимой 1936/37 года в сырых, недостроенных, продуваемых всеми ветрами домах.

В небольшом городе, где каждый житель либо лично, либо понаслышке знал всех соседей на несколько кварталов вокруг, существовали свои нормы взаимоотношений между людьми, отличные от тех, к которым привыкли мы, жители современных больших городов. Среди мологжан не было принято делиться на «чужих» и «своих». Все, кому доводилось бывать в Мологе, неизменно отмечали добрый, приветливый нрав ее жителей, доверчивость, чуткость к чужой беде, готовность помочь нуждающимся. Возможно, это происходило вследствие общей (не в пример безбожникам-рыбинцам) богомольности мологжан. Возможно, виноват чистый сухой воздух Междуречья, настоящий на ароматах лесов и луговых трав. А может, созданная в гармонии с природой архитектура города благотворно влияла на психику людей?

Так или иначе, несмотря на то, что большая часть жителей оставалась до весны в городе, в своих домах, т. е. люди могли не думать о том, как выжить в предстоящую зиму, мологжане не просто выражали сочувствие первому потоку вынужденных переселенцев, но и стремились помочь им в меру своих сил. Горе и боль людей, изгоняемых из города в преддверии зимы, стали общими болью и горем. Соседи приходили поплакаться друг к другу, попрощаться. В церквях прихожане молились за то, чтобы Бог не оставил своих чад в годину тяжких испытаний. Вместе с первыми переселенцами каждый из горожан ощущал за своей спиной ледящее дыхание захлестывающей Мологу трагедии.

Но как же так? Не может такого быть, чтобы у нас, в самой свободной, самой справедливой стране с людьми обращались, как с собаками! Неужели ничего нельзя поделать?

Нет, этого нельзя допустить! У нас есть вожди в Москве. У нас есть Сталин! Он не даст в обиду простых людей!

Уже через день после пленума мологскую почту наводнили горы писем в газеты, прокуратуру, различные переселенческие комиссии, оргкомитет ВЦИК, председателю горсовета... Люди писали о произволе оценщиков, многократно занижавших реальную стоимость домов и бракующих, как не годные к переносу, еще вполне крепкие строения. О том, что полученной компенсации не хватает даже на то, чтобы, переехав семьей в другой город, снимать там комнатку или угол для жилья. Просили отложить переселение до весны: за лето можно просушить намокшие после сплава бревна и худо-бедно поставить дом на выделенном властями

¹³ Выдержки из стенограммы пленума приведены в Приложение 1.

участке. Жаловались на отсутствие помощи со стороны горсовета, обещавшего найти строителей, но забывшего о своих обещаниях, – а как больным людям или женщинам с детьми справиться без посторонней помощи с переносом дома? Умоляли не выселять в неизвестность матерей или близких родственников, подождать до какого-то срока. Хлопотали о судьбах одиноких стариков и старух, проживавших на затопляемой территории за пределами города и не умевших хлопотать за себя¹⁴.

Мологские письма...

Если издать всю переписку мологжан с чиновниками всех сортов и рангов, то море переполняющих письма слез будет не менее величественным и огромным, чем Рыбинское море¹⁵.

Тимофей Кириллович Лetyагин и Анатолий Сутырин на чиновников надежд не возлагали. Первый – вследствие богатого жизненного опыта, второй, будучи простым квартирантом, не видел в этом нужды. Объединенные стремлением спасти город в целом, они сутками напролет занимались отбором картин, их обрамлением, составлением кратких аннотаций. Настя активно и с удовольствием помогала художникам: подавала инструмент, краски, готовила обед, накрывала на стол, мыла посуду, бегала за продуктами на рынок и в магазины.

Время поджимало. 20 сентября Лetyагин получил из горисполкома официальное извещение, в котором сообщалось: «Ваш дом подлежит сносу. Срок освобождения – десять дней». Точно такие же извещения получили Надежда Воглина, мать Насти, хозяйка дома, в котором снимал комнату Анатолий, и еще несколько десятков мологских семей. Одновременно из Москвы пришло письмо от Павлика Деволантова, знакомого Анатолия, с которым они вместе поступали в Институт пролетарского изобразительного искусства и, недовольные царившими там порядками¹⁶, вместе через полгода бросили учебу. В ответ на просьбу Анатолия Павлик сообщал, что с удовольствием, без каких-либо условий, примет друга в своей комнате на любой сколь угодно длительный срок.

– Я знал, что Пашка не откажет, – удовлетворенно произнес Анатолий, прочитав письмо, и вопросительно посмотрел на Лetyагина.

К сожалению, старые знакомые Тимофея Кирилловича оказались менее расторопными. Ни один из четырех московских художников, к которым он обращался с просьбой посодействовать в организации выставки картин, не написал ни да, ни нет.

А может, так быстро такие вопросы не решаются?

Может, кто-то из них сменил адрес или умер? Последние годы из-за болезней и нехватки времени переписка между братьями по кисти носила случайный характер. Лetyагин сам иногда месяцами не отвечал на письма...

Но сейчас стоял вопрос о жизни или смерти целого города! Разве это не та единственная причина, по которой все другие дела следует незамедлительно отложить?

Так или иначе, далее ждать не позволяли обстоятельства. Невыполнение требований горисполкома к домовладельцам о «добровольном» выселении их из своих собственных домов по истечении указанного в извещении срока влекло за собой применение принудительных мер. Передав все находившиеся в старом доме картины Анатолию, поделившись с ним частью полученной компенсации, Тимофей Кириллович, нарушая постановление горисполкома, запре-

¹⁴ Красноречивее любых рассказов о том, как решались судьбы одиноких стариков и старух, проживавших на затопляемых территориях, говорят документы тех лет (см. Приложение 2).

¹⁵ Малая толика этого моря писем приведена в Приложении 3.

¹⁶ В 1929—1931 годах институт возглавлял Ф. А. Маслов, решивший «расчистить площадку» для нового советского искусства. От преподавательской работы были отстранены 25 профессоров, в том числе крупные художники. Была уничтожена уникальная коллекция слепков с образцов античной скульптуры, тщательно собиравшаяся академией на протяжении 150 лет (студенты просто выбрасывали слепки из окон Академии художеств). Панно кисти Н. К. Рериха по указанию ректора разрезали на куски и использовали в качестве холста для работ учащихся. За бесчинства в Академии художеств Ф. А. Маслов был отдан под суд, но, учитывая чистосердечность его революционных порывов, оправдан и уже в июле 1932 года утверждён на должность заместителя заведующего сектором искусств Наркомпроса.

щавшего выселенцам¹⁷ селиться или снимать комнаты в домах на подлежащей затоплению территории, переехал в сторожку к леснику Константину Шабейко, уже несколько лет поддерживавшему его здоровье какими-то отварами, настойками и примочками. Сторожка лесника находилась всего в трех километрах от Мологи, поэтому, проживая в ней, Летягин рассчитывал быть в курсе всех происходящих в городе событий.

Подсобив старому художнику с переездом и получив от него в подарок старую клячу Пенелопу, Анатолий Сутырин на следующее утро сам стал укладываться в дорогу. Вначале он перенес из мастерской-мансарды в телегу картины, краски, книги, одежду, некоторые дорогие, как память о родителях или друзьях, вещи. Затем дошла очередь до деревянных скульптур. Мелкие, переложив сеном, он распишал по бортам, а целомудренно прикрывающую свое лоно пальчиками левой руки Еву привязал к задку телеги. Ни барочное кресло, ни письменный стол при любых перестановках уже не помещались. Не нашлось в повозке места и для юной помощницы художника Насти. Заливаясь слезами, она смотрела на сборы через узкую щель в чулане, в котором ее заперла мать. Бесконечное число раз Настя шепотом заклинала Анатолия внимательнее приглядеться к бревенчатым стенам чулана, прочитав в глазах юной пленницы боль унижения, сбить топором навешенный на дверь замок, потом... Потом подхватить ее на руки и увезти с собой!

Но он не слышал ее мольбы. Всего лишь раз посетовал суетившемуся возле телеги хозяину дома, дяде Васе Канышеву, что мол жалко – с Настей не удалось путем попрощаться, бегаает где-то по своим девичьим делам.

После небольших перестановок и перекладок вещей телега, наконец, тронулась к повороту на Республиканскую улицу¹⁸. Покачивая широкими бедрами в такт движению, деревянная Ева с чувством явного превосходства, нахально улыбаясь, долго-долго, пока ее не заслонили ветви растущих по краям дороги лип, смотрела своими длинными раскосыми глазами в глаза запертой в чулане пленницы.

Как он мог так жестоко поступить? Почему не уговорил мать отпустить ее в Москву? Неужели преданность, выносливость, умение хранить тайны, проворство рук, готовность выполнять любую работу ничего не стоят? Конечно, в Москве его будут окружать сотни взрослых нарядных женщин. Восхищаться им. А как же иначе? Некоторые из них, возможно, будут такими же красивыми, как деревянная Ева.

Ну и пусть! Пусть будет еще хуже! По их мнению, она еще малолетка: для матери – вещь, лишенная всяких прав на самостоятельность поступков и мыслей, для Анатолия – девчонка на побегушках, которой еще расти и расти до взрослой женщины. Что ж, они узнают, как были не правы. Они горько раскаются, но будет поздно. Будет слишком поздно!

Настя отпрянула от щели вглубь чулана. Подошла к висевшей на вбитом в стену гвоздике косе и потрогала пальцами ее остро отточенное жало. Оно было обжигающе холодным, и, казалось, само тянулось навстречу розовым подушечкам пальцев. Настя закрыла глаза. Воображение тотчас нарисовало, как мать, вернувшись домой, открывает дверь чулана, и на нее падает бездыханное тело дочери. Мать подхватывает Настю на руки, прижимает к груди, целует в затылок, плачет, просит простить... Но поздно... Поздно, слишком поздно...

Мать напишет о случившемся в Москву, Анатолию. Тот бросит все дела, вернется в Мологу, упадет в слезах на маленький могильный холмик...

¹⁷ Выселенцами в Мологе называли тех горожан, дома которых были признаны непригодными к переносу. «Счастливицов», переносивших свои дома под Рыбинск, называли переселенцами. Стариков и старух, не имевших родственников к которым их можно было бы переселить, называли беспризорными и переселяли в инвалидный дом, независимо от годности к переносу принадлежавших им домов.

¹⁸ Республиканская улица, бывшая Ярославская, протяженностью более 4 км, тянулась вдоль берега реки Мологи почти до самой Волги.

Представив себе, как Анатолий плачет над ее могилкой, Настя сама заревела в голос. Но потом, вдруг осененная внезапной мыслью, остановилась: как же он сможет упасть на могильный холмик, если над кладбищем в скором времени будут плескаться волны Рыбинского моря?

Как мать сможет ее похоронить в Мологе, если их завтра выгонят из города? А где тогда ее похоронят?

Выходило так, что если Мологи не будет, то Анатолий никогда не сможет упасть в слезах на могилку Насти.

Когда спустя некоторое время мать открыла дверь чулана, дочь, утерев остатки слез, молча прошла в комнату, достала из одежного шкафа ученический портфель и, сказав матери, что хочет позаниматься уроками, выложила на обеденный стол учебники, тетрадки и ручку с чернильницей.

На следующее утро им обоим надо было уезжать из Мологи. Времени для сборов оставалось мало. Впереди ждали грязь и сырость размытых осенними дождями дорог, неприветливые родственники на Псковщине, без особого энтузиазма согласившиеся приютить до весны выселенцев из Мологи. Может, и в школу ходить не придется: надо искать какое-то постоянное пристанище, работать, чтобы свести концы с концами... А тут на тебе – уроками ей хочется заняться! Но мать не стала высказывать все это дочери – слава Богу, не рвется бежать из дома вслед за художником, отошла немного от обид. Пусть позанимается, если уж ей так хочется, пусть успокоится. Ведь это все в последний раз. Когда еще ей случится вот так, в тишине родительского дома, пригрев на коленях свернувшегося клубочком котенка, изучать премудрости геометрии или физики?

Постояв немного рядом с сидевшей на краю лавки за столом Настей, погладив ее по сплетенным в две косички волосам, Надежда Воглина тяжело вздохнула и пошла договариваться с соседями, чтоб они хоть за какие-нибудь деньги согласились купить коз, кур, хранившуюся в подвале картошку, а может, и еще какие вещи: везти все хозяйство с собой из Мологи за тридевять земель было не на чем, да и накладно, если нанимать помощников.

Оставшись снова одна, Настя отодвинула учебники в сторону, обмакнула перо в чернильницу и ровным детским почерком вывела в верхней части тетрадной страницы: «Дорогой товарищ Сталин!» Ненадолго задумалась, глядя на приклеенную к стене газетную вырезку с портретом вождя, и затем, уже почти не останавливаясь, принялась писать письмо великому Сталину, лучшему другу всех детей.

Дорогой товарищ Сталин!

Пишет Вам пионерка Настя Воглина. Я учусь в седьмом классе. Отметки у меня только «отлично» и «хорошо» по всем предметам. В классной комнате, на стене, висит Ваш портрет. На нем Вас видно по поясу. Вы строго смотрите на учеников, а в усах спрятана улыбка. У нас дома на стене тоже приклеен Ваш портрет. Он не такой красивый, как тот, в школе, потому что вырезан из газеты. На нем Вы стоите в полный рост и тоже прячете в усах улыбку. Когда мне бывает трудно – мама поругает или обидит кто, – я подхожу к какому-нибудь из Ваших портретов и разговариваю с Вами. Вы всегда помогаете мне. Сейчас нам с мамой очень трудно. Завтра придут рабочие ломать наш дом, потому что его нельзя разобрать и перевезти по Волге в Рыбинск. В школу меня больше не пускают, так как нам с мамой запрещено жить в Мологе. До весны нас соглашается приютить тетя Клава из Пскова, а где потом жить, неизвестно. Я могла бы и в лесу пожить, но мама в лесу жить боится. В таком же положении оказалось очень много горожан. А если у кого и есть родственники, согласные их приютить, то все равно им очень жалко уезжать из Мологи. Потому что мы все очень любим Мологу. Я знаю, что стране нужна электроэнергия. Нужна, чтобы строить красивые города, чтобы люди жили в них радостно и счастливо. Но Молога – один из самых красивых в мире городов! У нас много зелени, много красивых домов, храмов. Улицы чистые и уютные.

Конечно, у Вас нет времени приехать в Мологу: вокруг много врагов и со всеми надо бороться. Но скоро в Москве откроется выставка картин мологских художников. Пожалуйста, загляните на выставку. Вы увидите, что я пишу правду, и прикажете Волгострою не ломать Мологу. Можно сделать вокруг города дамбу. Тогда среди моря будет стоять красивый сказочный остров. А может, Вы прикажете сохранить и наши леса, и луга с высокой травой, и Иловцу, и другие красивые места.

Я не прошу у Вас ничего для нас с мамой лично, только посмотрите выставку, порадитесь красоте нашего края, и тогда все: и моя мама, и наши соседи, и все-все мологжане – снова станут жить хорошо, счастливо... И трудиться, трудиться, трудиться с еще большей радостью и энтузиазмом на благо нашей Великой Родины.

С пионерским приветом Настя Возлина

(А Ваш портрет я намочила водой и аккуратно отклеила от стенки. Там, где усы, бумага чуть порвалась, но это почти незаметно. Портрет я возьму с собой, чтобы всегда и везде разговаривать с Вами).

ГЛАВА ПЯТАЯ

Выехав на Республиканскую улицу, Анатолий отпустил вожжи, позволив Пенелопе идти неспешно, сообразно ее лошадиному желанию. Они оба прощались с городом. Грусть хозяина передавалась лошади. Пенелопа сама, повинувшись неосознанному внутреннему порыву Сутырина, свернула к Старому бульвару и остановилась как раз в том месте, где Анатолий когда-то встретил свою первую любовь, Соню Акаткину. К сожалению, любовь осталась безответной, но она никуда не исчезла, не умерла и все так же, как десять лет назад, наполняла сердце щемящим чувством грусти. Спрыгнув на землю, Анатолий подошел к одной из берез, выстроившихся ровными рядами по обе стороны бульвара, потрогал рукой влажный ствол. Береза окропила его в ответ теплыми каплями недавно закончившегося дождя.

Потом была остановка около пожарной каланчи¹⁹. Мальчишкой Анатолий мечтал стать пожарником, как его дед по материнской линии. Дед иногда позволял ему постоять на смотровой площадке, полюбоваться сверху на город. Сверху Молога была видна вся, как на ладони, только шпили церковных колоколен поднимались выше каланчи. За рекой сливались с синевой неба лесные дали. Внизу, прямо под ногами, бурлила Сенная площадь, которую мологжане, несмотря на новые веяния и решения горсовета, никак не хотели называть площадью Карла Маркса. Но особенно красив был Афанасьевский монастырь. Весной окруженные цветущей сиренью, зимой вырастающие из белизны снегов, летом обрамленные зеленью листвы храмы и стены монастыря не противопоставляли себя окружающему миру, а сливались с ним в едином ансамбле, венчая великолепие природы. Не отсюда ли, не от этих ли первых детских впечатлений родилась у него тяга к рисованию?

Едва отъехав с десятков метров в сторону от Сенной площади, Анатолий встретил одного из старых друзей. Разговоры, объятия, слезы...

Паром уже готовился отходить от пристани, когда Пенелопа, наконец, вынесла повозку на крутой берег Волги. Замахав кепкой и закричав паромщику «Стойте! Стойте!», Анатолий стегнул легонько лошадь вожжами, причмокнул «Но, милая!» и понесся вниз.

Паромщик, опасаясь, как бы повозка с налету не сиганула в разделяющую дебаркадер и паром полосу воды, дал задний ход. Паром вновь причалил к пристани. Матрос с дебаркадера, беззлобно ругнувшись, проворно опустил широкие сходни и, не закрепляя на кнехты швартовые, отодвинул в сторону предохранительный брус. Анатолий потянул на себя вожжи, не дожидаясь полной остановки, спрыгнул с облучка, подхватил Пенелопу под уздцы и, следя за тем, чтобы колеса повозки не соскользнули со сходен, прошел на паром.

– Надо часы дома иметь, а не лихачить! – попенял ему паромщик.

Упрек был справедливым.

– Прости, Трофимыч. Последний день в Мологе – прощаться быстро не получилось, – повинился Анатолий и протянул старику полтинник, плату за проезд.

Тот, продолжая что-то бурчать под нос, показал, куда следует привязать лошадь, и, вернувшись на корму, закрыл двумя толстыми жердями пролет, через который происходила посадка.

Паром тронулся, забирая вначале вверх по течению реки, чтобы потом, миновав стремнину, оказаться напротив сооруженного на противоположном берегу Волги небольшого причала. С правого борта, постепенно уменьшаясь в размерах, уплывала в промозглое осеннее небо Молога. Расположенный недалеко от пристани величественный Воскресенский собор²⁰,

¹⁹ Пожарная каланча с мезонином построена на Базарной (Сенной) площади по проекту ярославского губернского архитектора А. М. Достоевского, брата великого русского писателя.

²⁰ Воскресенский собор, построенный в 1767 году, был главным православным храмом города. Он открывался взорам

главный храм города, уже коснулся крестом своей колокольни низких облаков. Луковицы его куполов подернулись дымкой...

– Как одиноко сидит город, некогда многолюдный! – услышал Анатолий у себя за спиной знакомый голос.

Он оглянулся. Сосуля-пророчица, закрыв глаза и монотонно покачиваясь в такт стихотворному ритму, нараспев произносила слова библейского «Плача Иеремии»²¹:

– Горько плачет он ночью, и слезы его на ланитах его. Нет у него утешителя из всех, любивших его; все друзья его изменили ему, сделались врагами ему.

Голос пророчицы, звучащий необычайно высоко, до крика, в начале строфы, к концу ее становился еле слышимым. Как будто она не произносила слова библейского текста, а повдвывая завывала над могилой погибшего мужа.

– Враги его стали во главе, неприятели его благоденствуют, потому что Господь наслал на него горе за множество беззаконий его...

Мологжане – и так народ не очень болтливый, а тут и вовсе разговоры на пароме стихли. Каждому было понятно, что не об Иерусалиме, а о Мологе плачет дочь чуриловской помещицы, Варвара Лебедянская. И не Иуда «переселился по причине бедствия», «поселился среди язычников, и не нашел покоя», а каждый из них вынужден будет оставить свой дом, каждого из них ожидают бесконечные бедствия и мытарства.

Анатолий, пораженный красотой и величием плакавшей на фоне исчезающего в облаках города пророчицы, лихорадочно принялся искать в дорожной сумке припасенные для таких случаев кусочки угля. Наконец нашел, развернул на планшетке лист бумаги и принялся делать набросок – серое небо, пожирающее купола собора, развевающиеся на ветру лохмотья Сосули, опущенные вниз углы губ, возведенные к переносице брови и катящаяся по изъеденной морщинами щеке крупная одинокая слезинка...

– Во, талант! – вздохнул над его ухом молодой лейтенант НКВД Юрка Зайцев, с восторгом наблюдавший с начала и до конца, как на белом листе бумаги в считанные минуты оказались запечатленными не просто город и плакавшая старуха, но настоящее человеческое чувство, чувство безысходной трагичности происходивших событий.

– Тебе бы у нас вместо фотографа работать – цены бы не было! – не то предложил он, не то просто похвалил Сутырина.

Анатолий промолчал.

Стоявшие сбоку от Сосули рыжебородый старик из Заручья и его белобрысый одетый в матросский бушлат племянник, услышав восторженную оценку чекиста, тоже подступили ближе к художнику. Племянник протянул руку к планшетке с рисунком и потрогал пальцем ее края. Старик, не отрывая глаз от рисунка, снял с головы ермолку и мелко перекрестился.

Бросив испытующий взгляд на лица первых зрителей только что рожденного шедевра, Юрка Зайцев неожиданно сам потянулся к планшетке и угрожающе потребовал от Сутырина:

– А ну, дай сюда твою мазню!

Анатолий резко оттолкнул чекиста локтем так, что тот, покачнувшись вбок, чуть не упал на палубу парома.

Мгновенно вспыхнув от обиды, Юрка потянулся было к кобуре, но в последний миг, то ли испугавшись многочисленности окружавшей его толпы, то ли еще по каким причинам, выдавил на губах улыбку и отступил в сторону.

путешествовавших по Волге весь сразу, во всем своем великолепии, едва лишь пароход входил в крутую излучину, которую здесь делала Волга, принимая воды Мологи.

²¹ Библия. «Плач Иеремии». Глава 1, стих 1.

Сосуля, до этого момента не замечавшая ни окружавших ее пассажиров парома, ни чекиста, ни художника, открыла глаза, возвращаясь к своим земным заботам, шагнула к Анатолию и будничным тоном поинтересовалась:

– Далече собрался?

– Бог даст – до Рыбинска, а дальше посмотрим.

– До Юршино подсобишь юридической добраться?

– Чего ж не подсобить? – согласился Анатолий и, не обращая внимания на лейтенанта НКВД, закрыл створки планшетки.

Паром подходил к причалу. Юрка Зайцев, похлопав Анатолия дружески по плечу и сделав вид, что ничего особенного между ними не произошло, спрыгнул первым, когда матрос на причале еще только-только начинал заводить чалку за кнехт. Недалеко от причала юного чекиста ожидала принадлежавшая Юршинской конторе НКВД пролетка.

Остальные пассажиры, зная крутой нрав паромщика, который может и силу к нарушителям применить, дождались установки сходен и лишь затем, не толкаясь, не мешая друг другу, в порядке очереди покинули паром.

Усадив Сосулю на передок телеги, Анатолий повел лошадь под уздцы в гору.

Пенелопа тянула споро. Можно б и самому сесть, но он жалел лошадь: дорога дальняя – пусть силы экономит.

– Почто в Рыбинск-то едешь? – поинтересовалась Сосуля, едва они отделились от толпы других пассажиров.

– Выселенец я, – пояснил он. – В Рыбинске у друзей домашнюю утварь оставлю и махну в белокаменную.

– А Летягина больного в Мологе бросил? Определят теперь старика в дом инвалидов. Картины растаскают, краски отберут...

Анатолий знал, что Варвару Лебедянскую и Тимофея Кирилловича связывала многолетняя дружба. Когда-то, еще до войны с немцами, Летягин собирался на ней жениться. Но родители Варвары были против – искали более выгодного жениха для дочери. Потом начались войны, революции... Усадьбу Лебедянских разорили. Хозяева подались в бега, но где-то под Киевом попали в плен к одной из многочисленных разбойничьих банд. Приглянувшуюся одному из головорезов Варвару отделили от родителей. С тех пор она ничего не знает об их судьбе. На следующий день атакованные небольшим отрядом петлюровцев бандиты бежали из села. Варваре удалось спрятаться от своего «любовника», зарывшись на сеновале под толстым слоем сена. Выждав, когда стихнут выстрелы, она отправилась на поиски матери и отца. Но никто из селян ничего вразумительного об их судьбе сказать не мог. Объездив в поисках родителей пол-России, она в середине двадцатых годов вернулась в Мологский край. Летягин к тому времени уже лет пять, как был женат.

Трудно сказать, толи на самом деле дочь чуриловских помещиков после всех выпавших на ее долю испытаний умом тронулась, толи сознательно себя сумасшедшей представила, чтобы на людях, без опаски преследований со стороны властей (какой с сумасшедшей бабы может быть спрос?) высказывать все, что на сердце налегло. Так или иначе, но ей сходили с рук и рыдания над пепелищем родительской усадьбы, и проклятья вслед молодым парнишкам-красноармейцам, увозившим крестьянские семьи в Сибирь.

Когда у Тимофея Кирилловича умерла жена, он вновь предложил Варваре руку и сердце. Она отказалась от того и другого, предпочтя полуголодную, но вольную жизнь бродяжки-юридической уюту Летягинского дома.

Позднее Анатолию случалось несколько раз присутствовать при редких встречах этих двух пожилых, когда-то безумно любивших друг друга людей. Большею частью они молчали. Иногда Летягин спрашивал у сумасшедшей совета, как ему поступить в том или ином случае. Варвара отвечала замысловато, с нарочитыми присказками, но всегда умно, заинтересо-

ванно. Летягин внимательно выслушивал и довольно часто вносил коррективы в казалось бы уже устоявшиеся планы. Между ними не существовало запретных тем, не существовало лжи.

Припомнив все, что ему было известно о нечаянной попутчице, Анатолий решил не придумывать в свою защиту оправданий, а довериться ей так, как доверился бы на его месте Тимофей Кириллович. Подъем давно кончился, он сел на передок рядом с Сосулей и, вначале почти слово в слово стал излагать ей Летягинские мысли о красоте, как синониму свободы и любви, как высшей цели развития человеческого общества. Пенелопа уверенно бежала по старой Рыбинской дороге, укрытой от ветров кронами берез и вечнозеленых елей.

– И когда Сталин увидит на картинах красоту Мологского края, воспримет ее отблески в своем сердце... – Анатолий, подойдя к кульминации пространного рассуждения, привстал со своего места, перехватил вожжи в левую руку, а правой широко повел по обе стороны простирающейся перед ними дороги, как бы призывая пожилую женщину лично убедиться в том, что такая красота не может не пленить сердце вождя. – Он вытащит изо рта трубку и скажет: «Прекратить переселение Мологи!»

Слово «прекратить» Анатолий не произнес, а прокричал, так что оно эхом запрыгало между лесными стенами.

И тут же обычно спокойная Пенелопа, напуганная громким голосом нового хозяина, дернула телегу. Анатолий качнулся, потерял равновесие. Ноги заскользили в промежуток между копытами лошади и колесами. Еще чуть-чуть... Если б не завидная реакция попутчицы, лежать бы нашему герою раздавленным собственной повозкой в дорожной пыли. Сосуля резко рванула незадачливого оратора к себе за полы брезентового плаща, и спустя секунду, судорожно обхватив юродивую за тонкую талию, он оказался лежащим на ее коленях.

– Ха-ха-ха-ха-ха-ха! – тут же разразилась она своим скрипучим, с визгливыми переливами смехом.

– Вы чего? – обиделся Анатолий, перебираясь с колен Сосули на прежнее место.

– Ха-ха-ха-ха-ха-ха! – продолжала смеяться юродивая.

Потом, утирая выступившие от смеха слезы, пояснила:

– Позабавил ты меня сильно своим рассказом. Я одну себя в Мологе сумасшедшей считала, а оказывается, есть еще двое, совсем из ума выживших!

– Не вижу ничего смешного.

Анатолий расправил в руках запутавшиеся вожжи и, причмокнув губами, пустил остановившуюся в недоумении посередине дороги лошадь вперед.

– Жалко мне тебя, сынок, – отойдя от смеха и снова став серьезной, пояснила Сосуля. – Сгинешь ни за понюшку табаку. Хаос и разрушение правят Россией. Хаос и разрушение в душах ее вождей! Они не увидят, они не смогут увидеть отблески красоты на твоих картинах, потому что отдались во власть дьявола!

– Какой хаос? Какие разрушения? – возмутился Анатолий. – Беломорканал! Днепрогэс! Магнитка! Страна из пепла и руин возрождается, как Феникс! Люди полны энтузиазма!

– Хаос и разрушение коснулись основы России – россиян. Советский энтузиазм сродни языческому фанатизму. Ты произнес имена идолов. Я не берусь судить о том, каково их значение в круговороте материальных вещей. Это меня мало интересует. Да и умом я слаба, чтоб понять такие тонкости. Но по внутренней их сути они – идолы. Не они служат людям, а люди служат им. К алтарям этих истуканов принесены сотни тысяч кровавых человеческих жертв. Дым жертвенных костров пьянит обезумевших жрецов. Чтобы вдыхать его аромат, им нужны новые и новые идолы. Рыбинская ГЭС – один из них. Слышишь? – Сосуля, приставив ладонь к уху, наклонилась вниз так, что ее длинные нечесанные волосы почти коснулись убегающей под колеса дороги. – Слышишь, как дрожит земля от топота ведомых на заклятие стад?

– Да-а-а ка-а-аак вы смеете?! – Анатолий от волнения даже стал заикаться. – Христос, средоточие красоты мира, разве не а-а-аагнец, разве не жертва?! Люди, жертвуя собой во благо социалистической родине, уподобляются Христу... Ка-а-аак вы смеете так про них говорить!?

– Смею. Еще как смею! – юрдивая распрямилась и, неожиданно оголив правую грудь, ткнула пальцем в небольшой круглый шрам от пули, чуть выше соска. – Видишь? Меня тоже хотели в жертву принести.

Анатолий, пораженный таким резким расхождением своих взглядов на окружающую действительность со взглядами Сосули, молчал.

– А где мои мать и отец? Где дом моих родителей?

Эта сумасшедшая женщина жила прошлым. Вне настоящего, вне будущего. Оправдываться перед ней, ссылаясь на законы революционной борьбы, – бесполезно. Она не может преодолеть классовую заикленность – понять, что Россия, иногда по неграмотности своей, отвергая Бога, на самом деле идет к Богу, к единству справедливого, бесклассового общества. Общества, в котором не будет вражды, бедности. В котором все, не только избранные станут богатыми и счастливыми, а и «калики перехожие».

– Ты говоришь, Христос прекрасен тем, что жертвует собой. А ради чего он жертвует? Ради земных богатств? Славы?

Анатолий не желал более дебатировать с сумасшедшей дочерью чуриловских помещиков.

– Молчишь? – вопрошала, распаяясь, Сосуля. – Потому что знаешь – не ради хлебов земных, не ради мирского, магниток и беломорканалов взошел Спаситель на Голгофу, а ради спасения человеческих душ от сетей сатаны. Чтобы у людей не атрофировалась способность любить ближнего. Жертва Христа – продолжение его любви к людям. Вехами любви он обозначил для людей путь к Богу.

«У нее в голове каша из дореволюционных проповедей, она никогда не сможет понять, насколько созвучна Библия сегодняшнему дню», – подумал Анатолий, но снова промолчал.

Пенелопа бежала знакомой дорогой ровно, лишь иногда кося ушами на доносившийся из телеги громкий голос юрдивой.

– Молчишь? А как же можно считать себя христианином и не любить ближнего? Толкать его в пламя жертвенных костров? Лишать свободы? Разве это по-христиански – считать себя монополистом на истину, а не признавать такого права в равной степени за всеми? Может, правы те, кого гонят в Сибирь, а не те, кто их гонит? «Отдайте последнюю рубашку», «подставьте щеку» – разве это все пустые слова?

– Ну ведь нельзя же так примитивно понимать Библию! – не выдержав напора чувств, задетый за живое, заступился за своих современников Анатолий. – Люди жертвуют собой ради светлого будущего детей и внуков, ради того, чтобы зажатая в кольцо врагов страна могла выжить, а вы не видите в этом любви! Да это и есть высшая любовь! Советские люди, несмотря на голод, лишения, непосильный труд, – самые счастливые люди в мире! Их жизнь наполнена истинным смыслом. Великий Сталин смог сделать так, что каждый из нас стал нужен отчизне!

– Стоп! – Сосуля подняла вверх руки и затем плотно закрыла себе ладонями оба уха. – Я слышу все, что ты еще только собираешься сказать. Но главное ты уже произнес – не отчизна нужна каждому из вас, а каждый из вас нужен отчизне, как гигантскому строительному механизму необходим каждый винтик. Увлеченные внешним – своим участием в работе механизма, вы разрушаете внутреннее – свои души, подчиняете внешнему свободу и волю каждого человека. Винтикам свобода только мешает выполнять заданные операторами функции. Идеальный винтик должен легко и без скрипа крутиться туда, куда его поворачивает гаечный ключ. Ваши дети и внуки полностью разучатся думать и чувствовать самостоятельно, без руководящих указаний сверху. Они будут вытачиваться по шаблонам в институтах создаваемой вами системы! Ваше светлое будущее, замешанное на человеческих крови и поте – иллюзия!

– Откройте ваши уши! Не в головах советских людей хаос, а в вашей седой голове! – прокричал Анатолий, одновременно подстегивая и без того резво бегущую Пенелопу. – Человек – высшая ценность социалистического общества! Будущее строится в атмосфере любви единомышленников. Никто на личность человека не покушается. Великий Сталин любит нас. Любит красоту созданного Богом и людьми мира. Под Его руководством мы делаем мир еще прекрасней. Если мне удастся показать Ему красоту Мологи, Он спасет город! Я в это верю. Мне жалко, что вы, с вашим образованием, тонкими чувствами и умом, лишаете себя возможности творить красоту будущего общества вместе со всем советским народом!

По правую сторону дороги потянулись ряды колючей проволоки и высокие деревянные заборы, за которыми размещались бараки Волголага. Повозка въезжала в Переборы.

– Ба! – опомнился Анатолий. – Мы же пролетели мимо поворота на Юршино!

Потянув за вожжи, он остановил лошадь и стал разворачиваться.

– Нет, нет, – засуетилась Сосуля, соскакивая с телеги, – мне в Юршино не надо.

– Как не надо?

– Сболтнула я про Юршино, зная, что Юрка Зайцев туда едет. Он от того на пароме при людях и не стал твою картину отбирать, что надеялся без лишнего шума с сотоварищами сделать это в Юршино.

– Да какое он имеет право?

– Имеет или нет, а мне в Юршино не надо, – резюмировала Сосуля и, развязав на поясе веревочку, достала из глубин своих лохмотьев маленький тряпичный сверток. – На-ка вот.

– Что это? – удивился Анатолий, принимая сверток.

– Не брезгуй, разверни.

Анатолий развернул засаленные от долгого ношения на теле юродивой тряпки, и перед его глазами засверкали разноцветными огнями: бриллиантовое кольцо, золотое кольцо с крупным изумрудом и инкрустированный вязью бесчисленных узоров тяжелый серебряный браслет.

– Господи, откуда такие сокровища? – невольно воскликнул художник, пораженный сочетанием несочетаемого: нищей, бездомной старухи и баснословной цены драгоценностей, лежавших у него на ладони.

– Это музейные вещи. Достояние государства! – наконец изрек он, поднимая к ней свое лицо.

– С «достоянием» ты, дорогой, переборщил. Это реликвии семьи, подаренные мне мамой еще до революции. Вспомни, у Летягина в спальне мой портрет висит...

Анатолий сразу вспомнил ту картину, о которой говорила Сосуля: зелень дикого винограда, густым ковром увившая маленькую беседку на берегу Мологи; юная Варвара Лебединская в бархатном кремовом платье с большим вырезом на груди, горящие румянцем щеки, озорные смеющиеся глаза и соперничающие с их блеском брильянты на загорелой коже девочки-подростка. Да, это были именно те брильянты. В отличие от их владелицы они совсем не потускнели. Но за что ему, малознакомому человеку, она делает такой подарок?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.